

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПАРАДИПЛОМАТИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Тарасова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 07.02.2023 г.
Принята к публикации 19.06.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-5
© Тарасова А. С., 2023

В течение последних десятилетий региональное сотрудничество России и Евросоюза оставалось эффективным каналом взаимодействия, позволяющим реагировать на локальные вызовы. В 2022 г. ЕС приостановило программы приграничного сотрудничества с Россией и Беларусью. Тем не менее сложившаяся система регионального сотрудничества, являясь успешной практической моделью, требует нового теоретического осмысления и анализа возможности ее применения в других приграничных регионах России. Целью работы является выявление основных тенденций парадипломатии на основе изучения опыта российско-финляндского регионального сотрудничества. В статье рассматриваются теоретические подходы к пониманию парадипломатии, проводится анализ трех форм регионального взаимодействия России и Финляндии и определяются основные тенденции парадипломатии. Автор приходит к выводу, что парадипломатия усиливает процессы глобализации и регионализации. В регионе Балтийского моря (и непосредственно в российско-финляндском сотрудничестве) основными тенденциями парадипломатии в последние годы стали (1) рост проектной активности, (2) диверсификация парадипломатических акторов и (3) установление равноправного характера партнерства между Россией и странами ЕС.

Ключевые слова:

Российская Федерация, Финляндия, регион Балтийского моря, парадипломатия, региональное сотрудничество, приграничное сотрудничество

Введение

В течение последних десятилетий региональное сотрудничество России — ЕС оставалось надежным и «жизнеспособным» каналом коммуникации даже во времена кризисов. Устойчивые политические и экономические связи сохранялись между Россией и Финляндией. В 2022 г. Европейская комиссия приостановила программы приграничного сотрудничества с Россией и Беларусью, а затем и Финляндия заморозила межправительственные и межведомственные контакты, торгово-экономическое сотрудничество между странами, проекты в области науки, образования, культуры и спорта. Несмотря на это, сложившаяся система парадипломатии является особым примером регионального сотрудничества, сочетающего различные формы и уровни взаимодействия, что требует отдельного теоретического осмысления. Более того, изучение позитивных практик сотрудничества может носить прикладной характер в связи с тем, что данная модель может быть успешно воссоздана между Россией и соседними странами, не входящими в ЕС.

Для цитирования: Тарасова А. С. Современные тенденции парадипломатии на примере российско-финляндского регионального сотрудничества // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 3. С. 83—99. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-5.

Цель исследования — выявить основные тенденции парадипломатии, изучив опыт российско-финляндского регионального сотрудничества.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить теоретические подходы к концепции парадипломатии;
- рассмотреть три кейса регионального сотрудничества России и Финляндии;
- выявить основные тенденции современной парадипломатии и охарактеризовать их.

Теоретические основы исследования

Начиная с 1980-х гг. международное сотрудничество субнациональных образований начинает рассматриваться учеными в качестве объекта исследования. Тем не менее единого подхода к определению данного явления до сих пор не сложилось. Кроме термина «парадипломатия» существуют и другие термины, описывающие внешние отношения субнациональных акторов, такие как «учредительная дипломатия», «региональная дипломатия», «дипломатия субгосударств», «микродипломатия», «многослойная дипломатия», «каталитическая дипломатия», «протодипломатия», «постдипломатия» [1, р. 25]. В данном исследовании мы будем придерживаться понятия «парадипломатия» как зонтичного термина, характеризующего различные аспекты международных региональных инициатив.

В 1960-х гг. Р. Батлер ввел в научный оборот понятие «парадипломатия» для описания «личной или параллельной дипломатии, дополняющей обычную внешнюю политику правительства или конкурирующую с ней» [2, р. 13]. Однако современное понимание парадипломатии прочно закрепилось в академической литературе после публикации работ Панагиотиса Солдатоса и Иво Духачека. По их мнению, парадипломатией является международная деятельность субнациональных акторов (регионов, городов), которая «параллельна дипломатии центральных правительств, часто координирует, дополняет ее, а иногда и конфликтует с ней» [3, р. 48]. И. Духачек развил концепцию парадипломатии, выделив следующие типы субнациональных инициатив на международной арене: (1) трансграничная региональная микродипломатия, (2) трансрегиональная микродипломатия, (3) глобальная парадипломатия и (4) протодипломатия [4]. П. Джоенниери и А. Сергунин, в свою очередь, выделяют два типа парадипломатических методов. Первый — прямой метод, предполагающий развитие отдельных внешних связей между городами и регионами. Второй — косвенный, при котором города и регионы влияют на национальную внешнюю политику [5, р. 23].

Наличие прямых каналов коммуникации является ключевой характеристикой парадипломатии [1 — 3]. Так, А. Кузнецов определяет парадипломатию как «форму политической коммуникации для достижения экономических, культурно-политических или любых других видов выгод, суть которой заключается в самостоятельных действиях региональных правительств по отношению к иностранным правительственным и неправительственным акторам» [1, р. 31]. Н. Корнаго также уделяет внимание коммуникативному аспекту и понимает парадипломатию как «участие нецентральных правительств в международных отношениях посредством установления постоянных контактов или контактов по особому случаю с государственными или частными структурами с целью решения социально-экономических или культурных вопросов» [6, р. 40]. На этом этапе парадипломатия может стать объектом изучения теории многоуровневого управления, так как принципы многоуровневого управления подразумевают систему взаимодействия, в которой участвует широкий круг субъектов и институтов на различных административных уровнях [7, р. 392].

Теоретические основы парадипломатии развивает в своих работах Андре Лекур. Он вводит понятие «слоев» (layers) парадипломатической деятельности [8]. Первый слой парадипломатии представлен экономическим сотрудничеством. На

этом уровне региональные правительства стремятся развивать международное присутствие, чтобы привлечь иностранные инвестиции и международные компании в регион, а также самим выйти на новые рынки. Как отмечают современные исследователи, например, Н. Межевич и Д. Болотов, экономическое сотрудничество создает дополнительные финансовые возможности для региональных властей, что в последние десятилетия активно используется как полноценный механизм регионального развития [9, с. 108—109].

Второй слой парадипломатии включает культурное, образовательное, техническое и технологическое сотрудничество. На этом уровне парадипломатия более обширна и многомерна, поскольку она преследует более сложные цели. Эти аспекты сотрудничества в отношении российско-финляндского приграничного взаимодействия рассмотрены в работах А. Себенцова [10; 11], М. Фрича, С. Немета, М. Пиппонена, Г. Ярового [12] и К. Кох [13].

Третий слой парадипломатии связан с политическим пространством. На этом уровне важную роль играет выражение локальной идентичности (которое может отличаться от национальной). Некоторые ученые [6; 14] отмечают, что в связи с развитием технологий современная парадипломатия действует не только в инструментальных областях (таких как международная торговля и глобальные рынки, экологические проблемы, научно-техническое сотрудничество и транспорт), но и в «областях, представляющих социальный и политический интерес, таких как этнические конфликты, здравоохранение, образование, культурное разнообразие, гуманитарная безопасность, права человека, гуманитарная помощь или помощь в развитии» [6, р. 6]. Таким образом, все три слоя, определенные А. Лекуром, имеют тенденцию накапливаться и переплетаться друг с другом.

Тенденции парадипломатии развиваются в русле общих тенденций международных отношений. Парадипломатия отражает процессы глобализации и регионализации, которые повышают значимость негосударственных акторов международных отношений, особенно субъектов федераций или регионов унитарных государств, а также мегаполисов [15; 16, с. 43].

Материалы и методы исследования

Методы исследования. В основу данного исследования лег метод «кейс-стади», или «исследование случая». С помощью данного метода возможно «углубленное изучение отдельной единицы... когда целью ученого становится выяснение особенностей более крупного класса схожих явлений» [17, р. 341]. Таким образом, кейс-стади позволяет достичь цели нашего исследования, то есть выделить современные тенденции парадипломатии на примере российско-финляндского регионального сотрудничества. Кроме того, в работе используется сравнительный и системный анализ. Сравнительный анализ позволяет сопоставить эмпирические данные, накопленные в результате сбора и классификации информации, посвященной российско-финляндской парадипломатической деятельности. Метод системного анализа позволяет обобщить принципы сотрудничества между регионами России и Финляндии и выявить общие тенденции парадипломатии.

Методология. Используемая в данном исследовании методология построена на подходе, предложенном А. Кузнецовым, в рамках которого предпочтение отдается качественным методам анализа парадипломатической деятельности. Операционализация и определение переменных парадипломатических практик становятся основной проблемой для количественного анализа, в то время как кейс-стади, напротив, помогает «охватить контекстуальные особенности многомерного явления» [1, р. 15].

Уделяя особое внимание сотрудничеству ЕС и России, автор статьи обращается к методологическим принципам К. Кох [13], Дж. Лейна [18], В. Хассона [19] и А. Сологуба [20], которые рассматривают трансграничные отношения через анализ структуры партнеров. Структура партнеров является некой призмой, которая

позволяет исследовать круг участников международной деятельности и охарактеризовать их отношения. Такой анализ поможет выявить особенности структуры локальных акторов и изучить их коммуникационные паттерны.

Материалы. Для информативного, синергетического и комплексного кейс-стади методы сбора данных и материалы для анализа должны быть разнообразными [21, р. 12]. Действуя в соответствии с данным принципом, автором были выделены следующие группы материалов:

- релевантные документы Европейского союза, а также национальные документы России и Финляндии;
- совместные российско-европейские и российско-финляндские документы;
- веб-сайты проектов приграничного сотрудничества и представленная на сайтах программы приграничного сотрудничества статистика;
- веб-сайты университетов, включая описания учебных программ и учебных планов.

При работе с материалами особое внимание уделялось надежности ресурсов, поэтому для анализа использовались только официальные сайты и статистические ресурсы, чтобы исключить ошибочные или неточные данные. Более того, в соответствии с методологией Н. Бобылева, С. Гадала, В. Киреева и А. Сергунина [22, р. 844—845] отобранные источники считались репрезентативными, поскольку демонстрировали общие характеристики российско-финляндской парадипломатии, прослеживающиеся во всех трех кейсах. Изучение тенденций парадипломатии «сверху вниз» (через национальные нормативные акты и совместные документы) и «снизу вверх» (через конкретные проекты приграничного сотрудничества, университетские программы и учебные планы) помогло комплексно проанализировать феномен российско-финляндской парадипломатии.

Критерии выбора кейсов. Исследование случая предполагает тщательный выбор параметров для отбора кейсов для анализа. На основе методологии кейс-стади, предложенной Р. Инем [23], кейсы для исследования были отобраны в соответствии с определенными автором критериями: временные рамки, участники, место и процесс (табл. 1).

Таблица 1

Критерии выбора кейсов для анализа

Критерий	Описание	
	2000—2020-е гг.	
Участники	<i>Субнациональные субъекты</i>	
	Города-близнецы Иматра и Светогорск	Городские администрации
	Программа приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия», 2014—2020 гг.	Университеты, бизнес, НПО, муниципалитеты, региональные власти и бюджетные учреждения (в качестве партнеров проекта)
	Российско-финляндский трансграничный университет	Университет Хельсинки, Университет Йознсуу, Университет Куопио, Технологический университет Лаппеенранты, Университет Тампере, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Петрозаводский государственный университет, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Окончание табл. 1

Критерий	Описание
	2000—2020-е гг.
Место	<i>Трансграничный компонент кейсов</i>
	Иматра и Светогорск расположены на российско-финской границе в 7 км друг от друга
	Программа приграничного сотрудничества охватывает приграничные регионы Южной Карелии, Южного Саво и Кюменлааксо (Финляндия), а также Санкт-Петербург и Ленинградскую область (Россия)
	Российско-финляндский трансграничный университет: университеты, расположенные в Санкт-Петербурге и Республике Карелия в России, университеты, расположенные в регионе Пирканмаа, Северной Карелии, Северной Савонии, Южной Карелии, регионе Уусимаа (часть из них представлена приграничными регионами)
Процесс	Все кейсы отражают парадипломатическую деятельность между Россией и Финляндией. В исследовании парадипломатия рассматривается как зонтичный термин, который описывает различные виды международной деятельности субнациональных субъектов. Под «парадипломатией» понимается международная деятельность субнациональных субъектов (регионов, городов), которая «параллельна дипломатии центральных правительств, часто координируется с ней, дополняет ее, а иногда и конфликтует с ней» [3, р. 48].

Города-близнецы Иматра и Светогорск

Города играют значительную роль в региональном сотрудничестве. В научной литературе все больше внимания уделяется дипломатии городов, под которой понимаются «институты и процессы, посредством которых города вступают в отношения с акторами на международной политической сцене с целью представления себя и своих интересов» [24, р. 7].

Термин «города-близнецы» (twin cities) первоначально описывал феномен городов, расположенных по разные стороны внутренней государственной границы. Позже понятие городов-близнецов стало применяться к городам, разделенным внешней государственной границей [25].

Для выделения городских территорий в качестве городов-близнецов необходимо соблюдение определенных критериев:

- оба города должны быть расположены на государственной границе;
- жители городов должны иметь общее историческое прошлое;
- сотрудничество между городами-близнецами должно осуществляться через институциональные и правовые механизмы.

Кроме того, такие города часто расположены на двух берегах одной реки, что выступает естественной географической границей. Жители городов, как правило, являются этнически смешанными и говорят на обоих языках [26]. Иматра и Светогорск подпадают под большинство этих критериев, поэтому в научной литературе [25; 26] и законодательной базе¹ эта пара именуется «городами-близнецами».

После Второй мировой войны советско-финская граница была переформирована. Ранее существовал поселок-кластер вокруг финского промышленного города Энсо, который впоследствии был разделен на два города, расположенных по разные стороны государственной границы. С финской стороны новый город был назван Иматрой, а с советской стороны, где находился завод, город был заново заселен из дальних регионов России и назван Светогорском [27].

¹ Приложение к Договору о сотрудничестве между приграничными городами Светогорск и Иматра, 20.01.1993. Протокол 21 от 16 апреля 2013 г. URL: http://www.svetogorsk-city.ru/regulatory/files/protokol_2013.doc (дата обращения: 19.06.2023).

Тесные связи между городами сложились в 1970—1980-е гг. в ходе совместного проекта по массовой реконструкции Светогорского целлюлозно-бумажного комбината, в результате чего были построены основные объекты комбината. Хотя переговоры о реконструкции комбината велись на государственном уровне и не в полной мере вовлекали региональные акторы, временное пересечение границы и рост местных трансграничных контактов стимулировали взаимный интерес к дальнейшему общению [28, р. 32].

Несмотря на то что после Второй мировой войны понятие инаковости проецировалась через российско-финскую границу, побратимство стало инструментом усиления вклада периферийных политических акторов в международное взаимодействие [29, р. 11] и социально-экономическое развитие приграничных территорий. В 1993 г. с подписанием соглашения о сотрудничестве между соседними городами началась новая волна взаимодействия. Сотрудничество охватило сферы экономики, образования, культуры, спорта, молодежной политики, охраны окружающей среды. Были затронуты и такие частные вопросы, как мониторинг качества воздуха и измерение выбросов в атмосферу¹.

Широкомасштабное сотрудничество началось в 1996 г., когда города разработали первую совместную инициативу по выдаче бесплатных виз и строительству приграничных велосипедных дорожек². Города продолжали использовать границу как ресурс для обмена положительным опытом, направленным на сотрудничество и укрепление взаимодействия. Позже количество экономических контактов увеличилось благодаря развитию шопинга и развлекательного туризма.

В конце 1990-х гг. началось самопозиционирование Светогорска и Иматры как «двойного города» [27]. До 2013 г. местные власти реализовывали стратегию международного сотрудничества «Города-близнецы Иматра-Светогорск»³. Таким образом, концепция «городов-близнецов» переходит из теоретической категории во внешнеполитическую практику, закрепляется в нормативных документах. В рамках стратегии были созданы рабочие группы, подготовлены заявки на финансирование в рамках программ приграничного сотрудничества, разработаны пути решения общих логистических проблем, связанных с развитием автомобильного и железнодорожного сообщения.

В 2004—2006 гг. города Иматра и Светогорск участвовали в проекте «Сеть сотрудничества городов-близнецов», целью которого было «содействие обмену передовым опытом в области местного управления, образования, культуры, социальных вопросов, экономического развития и приграничного сотрудничества»⁴. Результатом проекта стало создание в декабре 2006 г. Ассоциации городов-близнецов. Данные этапы сотрудничества свидетельствуют о важной роли практических инициатив и подтверждают тезис П. Джоенниери и А. Сергунина о том, что инструментальные аспекты побратимства, включая прикладные вопросы развития, все больше выдвигаются на первый план [30, р. 452].

Кейс городов-близнецов Иматры и Светогорска иллюстрирует три слоя парадипломатии, предложенные А. Лекуром [8].

¹ Договор о сотрудничестве между приграничными городами Светогорск и Иматра, 20.01.1993, *MOT*, URL: <http://www.espaces-transfrontaliers.org/en/resources/territories/cross-border-conurbations/imatra-svetogorsk/imatra-svetogorsk-2/> (дата обращения: 24.01.2023).

² Imatra-Svetogorsk, *MOT*, URL: <http://www.espaces-transfrontaliers.org/en/resources/territories/cross-border-conurbations/imatra-svetogorsk/imatra-svetogorsk-2/> (дата обращения: 24.01.2023).

³ Приложение к Договору о сотрудничестве между приграничными городами Светогорск и Иматра, 20.01.1993. Протокол 21 от 16 апреля 2013 г. URL: http://www.svetogorsk-city.ru/regulatory/files/protokol_2013.doc (дата обращения: 19.06.2023).

⁴ Imatra-Svetogorsk, *MOT*, URL: <http://www.espaces-transfrontaliers.org/en/resources/territories/cross-border-conurbations/imatra-svetogorsk/imatra-svetogorsk-2/> (дата обращения: 24.01.2023).

Первый слой отражает экономические вопросы: субгосударственные образования сосредоточены на «привлечении иностранных инвестиций, международных компаний в регион и нацелены на новые рынки для экспорта» [8, р. 2]. Шопинг-туризм с российской стороны в Иматру и готовность финской стороны инвестировать в железнодорожный узел в Светогорске¹ являются примерами первого слоя парадипломатии.

Второй слой включает многомерное сотрудничество (культурное, образовательное, техническое, технологическое и др.). Данный слой характеризует все формы сотрудничества между Иматрой и Светогорском в рамках соглашения о сотрудничестве между соседними городами и взаимные проекты в рамках программ приграничного сотрудничества: мониторинг воздуха, образовательное сотрудничество, инициативы в области молодежной политики, создание транспортной инфраструктуры и т. д.

Третий слой отражает политическое взаимодействие. На этом уровне субнациональные правительства могут либо выражать общую идентичность, либо пытаться оказать воздействие на поведение соседнего региона. В случае Иматры и Светогорска нет свидетельств их стремления «утвердить культурную самобытность, политическую автономию и национальный характер сообщества, которое они представляют» [8, р. 3]. Однако стратегия международного сотрудничества городов-близнецов Иматры и Светогорска и участие в проекте «Сеть сотрудничества городов-близнецов» показывают, что самопозиционирование Иматры и Светогорска как «двойных городов», или «городов-близнецов», отражает наличие общих интересов и восприятие себя как сообщества.

Программа приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия» 2014 — 2020 годов

Приграничное сотрудничество долгие годы оставалось важнейшим каналом взаимодействия регионов России и Евросоюза. В данной статье под «приграничным сотрудничеством» будет пониматься вид согласованных действий, направленных на укрепление отношений между соседними регионами.

Ввиду расширения ЕС в 2004 г. перед европейскими властями встал вопрос о том, как выстраивать отношения с новыми соседями. Решением стало принятие Европейской политики соседства (ЕПС), призванной создать общее экономическое, культурное, социальное пространство, основанное на общих интересах со странами-партнерами Востока и Юга, которое обеспечило бы стабильность в регионе. Россия приняла участие в данной политике через сотрудничество в рамках программ приграничного сотрудничества. В 2007 г. вступил в силу Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП), заменивший собой инструменты MEDA, TACIS и другие финансовые средства поддержки. ЕИСП стал финансовым инструментом для реализации Планов действий, которые охватывали шестнадцать стран-партнеров и Россию в рамках Стратегического партнерства в 2007—2013 гг.² В 2014 г. Европейский инструмент соседства заменил собой Европейский инструмент соседства и партнерства³. Основные принципы остались прежними: приверженность

¹ Светогорск как новый транспортный хаб. Финны хотят электричку Петербург — Иматра к 2025 году. Фонтанка. 22.04.2019, *Фонтанка.ру*, URL: <https://www.fontanka.ru/2019/04/22/042/> (дата обращения: 12.06.2023).

² European Neighbourhood Policy. What is it? *European Commission*, URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy_en (дата обращения: 14.05.2023).

³ Regulation (EU) No 232/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a European Neighbourhood Instrument, 2014, *EU-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/LSU/?uri=CELEX%3A32014R0232> (дата обращения: 24.01.2023).

демократии, правам человека, верховенству закона, эффективному управлению, принципам рыночной экономики и устойчивому развитию на основе политического диалога, вопросов торговли, экономического и социального сотрудничества.

Программа приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия» 2014—2020 гг. — одна из семи программ, которые реализовывалась между Россией и ЕС, и одна из трех программ, которые реализовались непосредственно между Россией и Финляндией.

Основная территория программы включала Санкт-Петербург и Ленинградскую область со стороны России и Кюменлааксо, Южную Карелию и Южное Саво со стороны Финляндии. Ряд прилегающих территорий и отдельные города также могли участвовать в финансируемых проектах, но с определенными ограничениями¹.

Программа была направлена на решение общих проблем и достижение стратегических целей:

- 1) содействие экономическому и социальному развитию в регионах по обе стороны общей границы;
- 2) решение общих задач в области охраны окружающей среды, здравоохранения, защиты и безопасности;
- 3) содействие созданию лучших условий и возможностей для обеспечения мобильности людей, товаров и капитала.

Вышеупомянутые стратегические цели были отражены в тематических целях, которые позволили классифицировать проекты по категориям:

- 1) развитие бизнеса и малого и среднего предпринимательства;
- 2) поддержка образования, научных исследований, развития технологий и инноваций;
- 3) охрана окружающей среды, смягчение последствий изменения климата и адаптация к ним;
- 4) содействие обеспечению пограничного контроля и безопасности границ, управлению мобильностью и миграцией населения.

Общий бюджет программы составляет 77,5 млн евро. Половина этой суммы была внесена Европейским союзом, другая половина — Россией и Финляндией².

Данная программа приграничного сотрудничества, как и ряд других программ, повлияла на становление уникальной системы регионального сотрудничества между Россией и ЕС, в частности с Финляндией. Стоит отметить, что некоторые исследователи выделяют следующие проблемные вопросы, которые возникали при реализации программ: готовность партнеров участвовать в программе, способность партнеров ответственно управлять программой, уровень знаний партнеров, готовность региональных и местных властей поддерживать программу [22, р. 856]. Тем не менее в рамках реализованной программы данные проблемы были преодолены. Об эффективности реализации Программы приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия» 2014—2020 гг. свидетельствует ряд качественных и количественно измеримых результатов и характеристик.

Во-первых, как Россия, так и Финляндия в равной степени участвовали в управлении программой. Несмотря на то что изначально программы ЕИСП и ЕИС складывались как инструмент внешней политики ЕС [13], в последние годы российская сторона была абсолютно полноправным партнером: участвовала на равных в подготовке и определении стратегии и тематических приоритетов, в их финансировании, в принятии решений, в выборе проектов и мониторинге результатов.

¹ South-East Finland — Russia CBC 2014—2020. Joint Operational Programme, CBC, URL: https://www.cbcpjoints.eu/wp-content/uploads/2016/02/South-East-Finland-Russia-CBC-2014-2020-JOP_EN.pdf (дата обращения: 24.01.2023).

² Ibid.

Во-вторых, программы приграничного сотрудничества долгие годы были уникальным механизмом, который помогал реагировать на локальные вызовы, при этом оставаясь относительно деполитизированным. Некоторые исследователи рассматривали взаимоотношения России и ЕС через концепцию «стрессоустойчивости» (resilience), что означает гибкое реагирование системы на вызовы, ее «живучесть» [31]. Приграничное сотрудничество оставалось прочным каналом связи вплоть до весны 2022 г., подтверждая данную концепцию.

В-третьих, интерес представляет и структура партнеров. Со стороны Финляндии наиболее распространенным типом партнеров были НГО и бизнес, со стороны России — муниципалитеты, НГО и вузы. Данную особенность можно объяснить теорией многоуровневого управления. Наблюдалась диверсификация акторов парадипломатии и их выстраивание не только по вертикальной, но и по горизонтальной линии, что подтверждает позицию Дж. Скотта [32], А. Себенцова [10; 11] и К. Кох [13] о применении практик многоуровневого управления.

В-четвертых, трансграничное сотрудничество стало «более трансграничным»: проекты переместились из крупных городов в местные центры, расположенные непосредственно на границе. Данная тенденция наметилась в программном периоде 2007—2013 гг. и закрепилась в 2014—2020 гг. [10; 11].

Таким образом, к 2020 г. была создана институционализированная система сотрудничества между российскими и финляндскими местными акторами, на что оказала влияние и Программа приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия» 2014—2020 гг.

Российско-финляндский трансграничный университет

Как отмечают Г. Телегина и Н. Штыкова, «все университеты оказываются так или иначе включены в процесс глобализации — отчасти как ее объекты или даже “жертвы”, но в существенной мере — как ее субъекты и проводники» [33, с. 63—67]. Российско-финляндский трансграничный университет является ярким примером данного тезиса и иллюстрирует субъектность вузов в международных отношениях и в парадипломатии регионов.

Российско-финляндский трансграничный университет представлял собой сообщество российских и финских вузов, целью которого была реализация совместных магистерских программ. Языком обучения был английский, а занятия и исследования проводились как в Финляндии, так и в России. Магистерские программы длились два года, состояли из 120 ECTS и включали аудиторные занятия, стажировки и защиту магистерской диссертации в обоих университетах.

Правовые основы данного сотрудничества нашли отражение в финской и российской нормативных базах. Министерствами Финляндии и России данный проект был одобрен, поскольку он соответствовал основным целям Стратегии интернационализации университетов Финляндии¹ и отвечал российским национальным приоритетам, таким как развитие академической мобильности, усиление международной исследовательской деятельности и реализации программ двойных дипломов [34].

В рамках деятельности трансграничного университета устойчивые связи сложились между Санкт-Петербургским государственным университетом и Университетом Тампере. В 2003 г. преподаватели СПбГУ разработали первый учебный план магистерской программы «Исследования Балтийских и Северных стран», а в 2004 г. началось создание программы двойного диплома с Университетом Тампере.

¹ Strategy for the Internationalisation of Higher Education Institutions in Finland 2009—2015, 2009, *Valtioneuvosto Statsradet*, URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/77779> (дата обращения: 24.01.2023).

Учебный план совместной программы объединял курсы Санкт-Петербургского государственного университета и Университета Тампере.

Среди основных курсов СПбГУ можно отметить следующие дисциплины:

- Социально-экономическое развитие стран и регионов Балтийского моря;
- Внешняя политика стран Балтии и Северной Европы;
- История международных отношений в Балтийском регионе;
- Особые формы международных отношений в Балтийском регионе;
- Политика России в регионе «Новый Север»¹.

Среди некоторых дисциплин Университета Тампере можно отметить:

- Ключевые концепции в политической науке;
- Теория и метатеория в международных отношениях;
- Политическое лидерство и политические процессы;
- Политические системы;
- Продвинутое введение в методы исследования, аргументацию и философию науки².

Как видно из учебного плана СПбГУ и Университета Тампере, вузы включали в программу не только общие теоретические курсы, но и практико-ориентированные предметы. Некоторые из них были обязательными для успешного прохождения обучения, а некоторые факультативными, и студенты имели возможность выбрать наиболее актуальные области обучения, которые дополняли их научные интересы.

По справедливому замечанию К. Худолея, И. Новиковой, Д. Ланко, ценность вклада финских коллег в программу состоит в развитии теоретических основ прагматизма, критики теории либерального мира, гендерных подходов [35]. Учебные материалы Университета Тампере подтверждают данное утверждение. Например, рекомендуемая литература для курса теории международных отношений в Тампере состояла из большого количества работ, посвященных критическим подходам, феминистской теории постмодерна и междисциплинарным подходам³.

К уникальным чертам исследовательской школы СПбГУ можно отнести использование «редукционного» подхода к анализу внешней политики (роль внутригосударственных решений большого государства при анализе внешнеполитических составляющих), особенности исторического подхода к дихотомии «малые страны — крупные державы», широкое применение иностранных языков в ходе научно-образовательной работы [35]. Такие курсы из учебного плана СПбГУ, как «История международных отношений в регионе Балтийского моря» и «Политика Российской Федерации в отношении стран Балтии и Северной Европы», подтверждают данное утверждение⁴.

Оценить эффективность российского-финляндского трансграничного университета можно через количество международных программ и число выпускников, успешно защитивших магистерские диссертации и получивших двойные дипломы. Кроме того, на стратегическом уровне эффективность выражалась в растущей роли

¹ Baltic and Nordic Studies, *Санкт-Петербургский государственный университет*, URL: <https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/issledovaniya-baltiyskih-i-severnyh-stran> (дата обращения: 24.01.2023).

² Master's Programme in Leadership for Change, *Tampere University*, URL: <https://www.tuni.fi/studentsguide/curriculum/degree-programmes/uta-tohjelma-1698?year=undefined&activeTab=1> (дата обращения: 24.01.2023).

³ Theory and Metatheory in International Relations, *Tampere University*, URL: <https://www.tuni.fi/studentsguide/curriculum/course-units/uta-ykoodi-37572?year=undefined> (дата обращения: 24.01.2023).

⁴ Baltic and Nordic Studies, *Санкт-Петербургский государственный университет*, URL: <https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/issledovaniya-baltiyskih-i-severnyh-stran> (дата обращения: 24.01.2023).

университетов в российско-финляндской парадипломатии. Как было отмечено выше, представители российской и финской высшей школы активно включались в качестве партнеров в проекты приграничного сотрудничества, о чем свидетельствует значимая доля партнеров-вузов от общего числа участников проектов¹. Данное наблюдение демонстрирует тенденцию превращения университетов в ключевые акторы многоуровневого управления в российско-финляндских отношениях и в регионе Балтийского моря в целом.

Обсуждение и заключение

Анализ теоретической базы позволил сделать вывод о том, что понятие «парадипломатия» не имеет единого определения: оно используется как зонтичный термин для описания международной деятельности субнациональных образований. Парадипломатия может реализовываться прямыми и косвенными методами [5], а также включать в себя несколько измерений (слоев), которые отражают различные степени сотрудничества [8].

В ходе изучения форм регионального сотрудничества России и Финляндии были установлены их уникальные и общие черты, которые были обобщены, и на их основе выявлены тенденции развития парадипломатии на уровне региона Балтийского моря и на мировом уровне (табл. 2).

Таблица 2

Тенденции развития парадипломатии на региональном и мировом уровнях

Уровень региона Балтийского моря	Мировой уровень
Происходило наращивание проектной деятельности как в рамках российско-финляндского партнерства, так и в регионе Балтийского моря.	Регион Балтийского моря укрепляет свои позиции как актор мировой политики,
Разнообразие форм взаимодействия и акторов, вовлеченных в проекты сотрудничества, позволило говорить о тенденции к многоуровневому управлению.	так как парадипломатия одновременно усиливает глобализацию и региональные
Российско-финляндская и российско-европейская парадипломатия становились все более равноправными и симметричными	политические процессы

Как отмечалось ранее, парадипломатия объединяет в себе две тенденции современных международных отношений — глобализацию и регионализацию [15; 16; 36]. Примеры российско-финляндского регионального сотрудничества подтверждают данный тезис. Дипломатия городов (феномен городов-близнецов) и программы приграничного сотрудничества иллюстрируют процессы регионализации. Научная дипломатия и интернационализация высшего образования (в частности, деятельность российско-финляндского трансграничного университета) иллюстрируют процессы глобализации.

Российско-финляндский парадипломатический опыт может быть обобщен и теоретизирован в рамках особой системы регионального сотрудничества. Российско-европейские программы приграничного сотрудничества стали устоявшимися институтами, в рамках которых создавались конкретные проекты с измеримыми результатами. Уникальность этой модели заключалась в сочетании подходов «сверху вниз» и «снизу вверх» при формировании стратегических и проектных целей, в переплетении всех трех слоев парадипломатии, выделенных А. Лекуром [8], а также в комплексности различных форматов взаимодействия. Трансграничная деятельность повлияла на развитие отдельных связей между местными партнерами и на станов-

¹ Funded projects. CBC 2014—2020 South-East Finland — Russia, *Cross-Border Cooperation*, URL: <https://www.sefrcbc.fi/funded-projects-2/> (дата обращения: 05.06.2023).

ление межличностных контактов, а также на формирование стратегических российских, финских и европейских приоритетов во внешней политике. Теоретически данное явление можно объяснить с позиции применения прямых и косвенных методов парадипломатии [5]. Более того, такие формы парадипломатической деятельности, как трансграничный университет и города-близнецы создали специфический ландшафт российско-финляндского сотрудничества и повысили роль региональных акторов, иллюстрируя тенденцию роста проектной активности в регионе Балтийского моря и закрепление принципа многоуровневого управления [13; 20].

После заморозки Еврокомиссией программ приграничного сотрудничества и приостановки контактов с финской стороны сложно говорить о сохранении существующих тенденций парадипломатии. В краткосрочной перспективе, даже если некоторые каналы связи сохранятся, полномасштабное сотрудничество представляется невозможным. Парадипломатия будет развиваться в соответствии с общим сценарием российско-европейских отношений.

Тем не менее существовавшая успешная модель сотрудничества может быть воспроизведена в других приграничных регионах Российской Федерации. Поскольку российско-европейское сотрудничество осуществлялось в рамках европейских законодательных инструментов (политика ЕПС, ЕИС, ЕИСП и т. д.), оно было заморожено в одностороннем порядке. Чтобы избежать подобной ситуации и стать флагманом парадипломатии на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, российская сторона может рассмотреть возможность создания системы приграничного сотрудничества на базе самостоятельно разработанного законодательства и собственных институциональных механизмов. Таким образом, положительный российско-европейский опыт может лечь в основу схожей модели институтов, обеспечивающих приграничное сотрудничество на других участках российской государственной границы.

Список литературы

1. Kuznetsov, A. S. 2015, *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments, International Affairs*, New York, Routledge, 184 p., <https://doi.org/10.4324/9781315817088>.
2. Butler, R. 1962, *Paradiplomacy in A. O. Sarkissian (ed.), Studies in Diplomatic History and Historiography in Honour of G. P. Gooch*, New York, Barnes and Noble.
3. Soldatos, P. 1993, *Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World in Fry, E., Brown, D. (eds.), States and Provinces in the International Economy*, Berkeley, Institute of Governmental Studies Press, p. 45—64.
4. Duchacek, I. 1990, *Perforated sovereignties: towards a typology of new actors in international relations, Federalism and international relations: the role of subnational units*, p. 1—33.
5. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2014, *Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy, Problems of Post-Communism*, vol. 61, № 6, p. 18—33.
6. Cornago, N. 1999, *Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-Operation in Aldecoa, F. (ed.), Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments*, London, Routledge, p. 40—57, <https://doi.org/10.1080/13597569908421070>.
7. Marks, G. 1993, *Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC in Cafruny, A., Rosenthal, G. (eds.), The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond*, Boulder, Colorado, Lynne Rienner, p. 391—411.
8. Lecours, A. 2008, *Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World, JSTOR*, URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep05373> (дата обращения: 15.03.2023).
9. Болотов, Д. А., Межевич, Н. М. 2017, Межмуниципальное международное сотрудничество как способ совершенствования государственного и муниципального управления: опыт Ленинградской области, *Вестник факультета управления СПбГЭУ*, № 1 (1), с. 105—109. EDN: YZCEJZ.

10. Себенцов, А. Б. 2018, Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском приграничье, *Региональные исследования*, № 3, с. 66—75. EDN: VPMQAB.
11. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, environment, sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>.
12. Fritsch, M., Németh, S., Piipponen, M., Yarovoy, G. 2015, Whose partnership? Regional participatory arrangements in CBC programming on the Finnish—Russian border, *European Planning Studies*, № 23, p. 2582—2599, <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1096916>.
13. Koch, K. 2017, The role of territoriality in the European Union multi-level governmental cooperation framework of Finnish—Russian cross-border cooperation, *European Urban and Regional Studies*, vol. 26, № 3, <https://doi.org/10.1177/0969776417736359>.
14. Lequesne, C., Paquin, S. 2017, Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect, *International Negotiation*, vol. 22, № 2, p. 183—204, <https://doi.org/10.1163/15718069-22001133>.
15. Керимов, А. А., Баков, А. А. 2019, Международная активность регионов: основные направления и инструменты парадипломатической деятельности, *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки*, т. 14, № 2 (188), с. 102—108. EDN: ITRDME.
16. Новикова, И. Н., Попов, Д. И. 2020, Внешнеэкономические связи Ленинградской области и Швеции в первое двадцатилетие XXI века: проблемы и перспективы, *Управленческое консультирование*, № 4, с. 66—79, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-4-66-79>.
17. Gerring, J. 2004, What is a case study and what is it good for? *American political science review*, vol. 98, № 2, p. 341—354, <https://doi.org/10.1017/S0003055404001182>.
18. Laine, J. 2016, European civic neighbourhood: towards a bottom-up agenda across borders, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 108, № 2, p. 220—233, <https://doi.org/10.1111/tesg.12211>.
19. Khasson, V. 2013, Cross-border cooperation over the Eastern EU border: between assistance and partnership under the European neighbourhood and partnership instrument, *East European Politics*, vol. 29, № 3, p. 328—343, <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.807802>.
20. Сологуб, А. П., 2015, Роль международных проектов в межрегиональной интеграции и конструировании региона: пример региона Балтийского моря, *Стратегия устойчивого развития регионов России*, № 26, с. 53—56. EDN TRRRXL.
21. Harrison, H., Birks, M., Franklin, R., Mills, J. 2017, Case study research: Foundations and methodological orientations, *Forum qualitative Sozialforschung/Forum: qualitative social research*, Los Angeles, Sage, vol. 18, № 1, <https://doi.org/10.17169/fqs-18.1.2655>.
22. Bobylev, N., Gadal, S., Kireyeu, V., Sergunin, A. 2020, EU-Russia cross-border cooperation in the twenty-first century: Turning marginality into competitive advantage, *Regional Science Policy and Practice*, № 12, p. 841—859, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12316>.
23. Yin, R. K. 2009, *Case Study Research: Design and Methods* (4th ed.), Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
24. Van der Pluijm, R. 2007, *City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Politics*, Clingendael Diplomacy Papers, № 10.
25. Михайлова, Е. В. 2015, Формирование терминологического аппарата в сфере изучения трансграничных территориальных образований, *Вестник АГТУ. Сер.: Экономика*, № 2, с. 7—16. EDN: TYYTRV.
26. Anischenko, A. G., Sergunin, A. A. 2012, ‘Twin Cities’: a new form of cross-border cooperation in the Baltic Region? *Baltic region*, vol. 11, № 1, p. 27—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-1-3>.
27. Михайлова, Е. В. 2016, Приграничное сотрудничество муниципальных образований в России и за рубежом на примере «городов-близнецов», *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России*, Материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, с. 108—116. EDN XHKFDL.
28. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2012, *Laboratories of European Integration: Citytwinning in Northern Europe. Euborderregions*, Working Papers Series 1.

29. Sergunin, A., Joenniemi, P. 2017, Does the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) Mobilize the Municipal Level? City Twinning in Northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, p. 81—95, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305183>.

30. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2017, City-Twinning in IR Theory: Escaping the Confiners of the Ordinary, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 32, №4, p. 443—458, <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1257361>.

31. Romanova, T., Pavlova, E. 2019, Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept, *World Economy and International Relations*, vol. 63, №6, p. 102—109, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109>.

32. Scott, J. W. 2015, Bordering, border politics and cross-border cooperation in Europe, in: Celata, F., Coletti, R. (eds.), *Neighbourhood policy and the construction of the European external borders*, GeoJournal Library, vol. 115, Springer, Cham, p. 27—44, https://doi.org/10.1007/978-3-319-18452-4_2.

33. Телегина, Г. В., Штыкова, Н. В. 2005, Университет в глобальном мире: новая миссия? *Университетское управление: практика и анализ*, № 5, с. 63—67. EDN: GXPRDT.

34. Sergeev, A., Ryzhkova, I. 2012. Specific features of internationalization of higher education in the framework of the northern dimension, *Baltic region*, № 3, p. 24—36, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-3-4>.

35. Khudolei, K., Novikova, I., Lanko, D. 2012. Innovative education for the Baltic region: the experience of the Finnish-Russian cross-border university, *Baltic region*, № 3, p. 5—20, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-3-2>.

36. Новикова, И. Н., Попов, Д. И. 2021, Внешнеэкономическое сотрудничество Санкт-Петербурга с Данией в XXI веке: основные тенденции, проблемы и перспективы, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, № 1, с. 41—70. EDN: QLQMYM.

Об авторах

Анастасия Сергеевна Тарасова, аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: nastya91938@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9316-2217>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

MODERN TRENDS IN PARADIPLOMACY: A CASE OF RUSSIAN-FINNISH REGIONAL COOPERATION

A. S. Tarasova

Saint Petersburg State University,
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 07 February 2023
Accepted 19 June 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-5
© Tarasova, A. S., 2023

For several decades, EU-Russian regional cooperation helped effectively respond to the local challenges. The EU terminated programmes for regional cooperation with Russia and Belarus in 2022. The existing paradiplomatic structure, however, may be of interest to scholars and

To cite this article: Tarasova, A.S. 2023, Modern trends in paradiplomacy: a case of Russian-Finnish regional cooperation, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 83—99. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-5.

policymakers as a model to be reproduced by Russia in cooperation with non-EU neighbours. The study aims to identify the main trends in paradiplomacy by examining Russian—Finnish regional collaboration. It reviews theoretical approaches to paradiplomacy, conducts a case study analysis of three forms of Russian-Finnish regional interaction and defines the main trends in paradiplomacy. The author concludes that paradiplomacy intensifies globalisation and regionalisation processes. In the past years, the main paradiplomacy trends in cooperation between Russia and the Baltic Sea region states, particularly Finland, were as follows: (1) project activity gathering momentum; (2) diversification of paradiplomatic actors; (3) equal and symmetrical partnership between Russia and the European states.

Keywords:

Russian Federation, Finland, Baltic Sea region, paradiplomacy, regional cooperation, cross-border cooperation

References

1. Kuznetsov, A. S. 2015, *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments*, International Affairs, New York, Routledge, 184 p., <https://doi.org/10.4324/9781315817088>.
2. Butler, R. 1962, Paradiplomacy in A. O. Sarkissian (ed.), *Studies in Diplomatic History and Historiography in Honour of G. P. Gooch*, New York, Barnes and Noble.
3. Soldatos, P. 1993, Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World in Fry, E., Brown, D. (eds.), *States and Provinces in the International Economy*, Berkeley, Institute of Governmental Studies Press, p. 45—64.
4. Duchacek, I. 1990, Perforated sovereignties: towards a typology of new actors in international relations, *Federalism and international relations: the role of subnational units*, p. 1—33.
5. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2014, Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, № 6, p. 18—33.
6. Cornago, N. 1999, Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-Operation in Aldecoa, F. (ed.), *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments*, London, Routledge, p. 40—57, <https://doi.org/10.1080/13597569908421070>.
7. Marks, G. 1993, Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC in Cafruny, A., Rosenthal, G. (eds.), *The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond*, Boulder, Colorado, Lynne Rienner, p. 391—411.
8. Lecours, A. 2008, Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World, *JSTOR*, URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep05373> (дата обращения: 15.03.2023).
9. Bolotov, D. A., Mezhevich, N. M. 2017, Inter-municipal international cooperation as a way to improve state and municipal governance: the experience of the Leningrad region, *Vestnik fakul'teta upravleniâ SPbGÉU*, № 1 (1), p. 105—109. EDN: YZCEJZ (in Russ.).
10. Sebentsov, A. B. 2018, institutional dimension of the cross-border cooperation in the Russia borderland, *Regional'nye issledovaniâ*, № 3, p. 66—75. EDN: VPMQAB (in Russ.).
11. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, environment, sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>.
12. Fritsch, M., Németh, S., Piipponen, M., Yarovoy, G. 2015, Whose partnership? Regional participatory arrangements in CBC programming on the Finnish—Russian border, *European Planning Studies*, № 23, p. 2582—2599, <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1096916>.
13. Koch, K. 2017, The role of territoriality in the European Union multi-level governmental cooperation framework of Finnish—Russian cross-border cooperation, *European Urban and Regional Studies*, vol. 26, № 3, <https://doi.org/10.1177/0969776417736359>.
14. Lequesne, C., Paquin, S. 2017, Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect, *International Negotiation*, vol. 22, № 2, p. 183—204, <https://doi.org/10.1163/15718069-22001133>.
15. Kerimov, A. A., Bakov, A. A. 2019, International activity of regions: main directions and tools of paradiplomatic activity, *Izvestia. Ural Federal University journal. Series 3, Social and political sciences*, vol. 14, № 2 (188), p. 102—108. EDN: ITRDME (in Russ.).

16. Novikova, I. N., Popov, D. I. 2020, Economic Relations between the Leningrad Region and Sweden at the Beginning of XXI Century: Challenges and Perspectives, *Administrative Consulting*, № 4, p. 66—79, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-4-66-79> (in Russ.).
17. Gerring, J. 2004, What is a case study and what is it good for? *American political science review*, vol. 98, № 2, p. 341—354, <https://doi.org/10.1017/S0003055404001182>.
18. Laine, J. 2016, European civic neighbourhood: towards a bottom-up agenda across borders, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 108, № 2, p. 220—233, <https://doi.org/10.1111/tesg.12211>.
19. Khasson, V. 2013, Cross-border cooperation over the Eastern EU border: between assistance and partnership under the European neighbourhood and partnership instrument, *East European Politics*, vol. 29, № 3, p. 328—343, <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.807802>.
20. Sologub, A. P. 2015, The Role of International Projects in Interregional Integration and Regional Construction: The Case of the Baltic Sea Region, *Strategy for Sustainable Development of Russian Regions*, № 26, p. 53—56. EDN TRRRXL (in Russ.).
21. Harrison, H., Birks, M., Franklin, R., Mills, J. 2017, Case study research: Foundations and methodological orientations, *Forum qualitative Sozialforschung/Forum: qualitative social research*, Los Angeles, Sage, vol. 18, № 1, <https://doi.org/10.17169/fqs-18.1.2655>.
22. Bobylev, N., Gadai, S., Kireyev, V., Sergunin, A. 2020, EU-Russia cross-border co-operation in the twenty-first century: Turning marginality into competitive advantage, *Regional Science Policy and Practice*, № 12, p. 841—859, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12316>.
23. Yin, R. K. 2009, *Case Study Research: Design and Methods* (4th ed.), Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
24. Van der Pluijm, R. 2007, *City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Politics*, Clingendael Diplomacy Papers, № 10.
25. Mikhailova, E. V. 2015, Formation of terminological complex in the sphere of studying transborder territorial units, *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, № 2, p. 7—16. EDN: TYYTRV (in Russ.).
26. Anischenko, A. G., Sergunin, A. A. 2012, 'Twin Cities': a new form of cross-border cooperation in the Baltic Region? *Baltic region*, vol. 11, № 1, p. 27—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-1-3>.
27. Mikhailova, E. V. 2016, Border cooperation of municipalities in Russia and abroad on the example of "twin cities", In *Socio-economic, geopolitical and socio-cultural problems of development of border regions of Russia*, Materials of the XXXII annual session of the economic and geographical section of MARS, 2016, p. 108—116. EDN XHKFDL (in Russ.).
28. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2012, *Laboratories of European Integration: Citytwinning in Northern Europe. Euborderregions*, Working Papers Series 1.
29. Sergunin, A., Joenniemi, P. 2017, Does the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EU-SBSR) Mobilize the Municipal Level? City Twinning in Northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, p. 81—95, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305183>.
30. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2017, City-Twinning in IR Theory: Escaping the Confines of the Ordinary, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 32, № 4, p. 443—458, <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1257361>.
31. Romanova, T., Pavlova, E. 2019, Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 6, p. 102—109, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109> (in Russ.).
32. Scott, J. W. 2015, Bordering, border politics and cross-border cooperation in Europe, in: Celata, F., Coletti, R. (eds.), *Neighbourhood policy and the construction of the European external borders*, GeoJournal Library, vol. 115, Springer, Cham, p. 27—44, https://doi.org/10.1007/978-3-319-18452-4_2.
33. Telegina, G. V., Shtykova, N. V. 2005, University in a global world: is it a new mission? *University management: practice and analysis*, № 5, p. 63—67. EDN: GXPRDT (in Russ.).
34. Sergeev, A., Ryzhkova, I. 2012. Specific features of internationalization of higher education in the framework of the northern dimension, *Baltic Region*, № 3, p. 24—36, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-3-4>.

35. Khudolei, K., Novikova, I., Lanko, D. 2012. Innovative education for the Baltic region: the experience of the Finnish-Russian cross-border university, *Baltic region*, № 3, p. 5—20, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-3-2>.

36. Novikova, I.N., Popov, D.I. 2021, Foreign economic cooperation between St. Petersburg and Denmark in the 21st century: main trends, problems, prospects, *Vestnik of Saint-Petersburg University. International relations*, № 1, p. 41—70. EDN: QLQMYM (in Russ.).

The author

Anastasiia S. Tarasova, PhD student, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: nastya91938@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9316-2217>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))